

Федор Селезнев

**Советское руководство, Германия и Брестский мир:
публикация новых документов***

Fedor Seleznev

(National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

**Soviet leadership, Germany and the Brest Peace:
publication of new documents**

DOI: 10.31857/S086956872205020X, EDN: KMUEDB

Историография Брестского мира существенно обогатилась. В новом сборнике документов «Брестский мир: пролог, заключение, итоги» освещены переговоры в Брест-Литовске, структурирование советской мирной делегации из Петрограда, внутрипартийная борьба, вызванная обстоятель-

* Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сборник документов / Отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; при участии Б.С. Котова и Л.В. Ланника. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 839 с.

ствами заключения и соблюдения договора с Германией. Показано в нём и развитие отношений Советской России с кайзеровской Германией после подписания мира, в частности, приведено состоявшееся между ними в августе 1918 г. дополнительное соглашение. Но, к сожалению, в книге не отражены две темы, важные для характеристики взаимодействия Москвы и Берлина в «постбрестский» период, а именно — реакция официальных лиц рейха на расстрелы представителей династии Романовых и причастность советских дипломатических структур к подготовке революции в Германии.

Часть включённых в сборник документов, например, знаменитый «Декрет о мире», хорошо известны. Однако, по мнению составителей, подобные хрестоматийные тексты помогают читателям лучше понять динамику событий (с. 13). Действительно, отобранные ими материалы позволяют последовательно проследить ход российско-германских контактов от Октябрьской революции до денонсации Брестского мира. Такая подборка будет прекрасным подспорьем для преподавателей и студентов, учителей истории. В то же время около 70% входящих в неё документов (из РГАСПИ и АВП РФ) публикуются впервые и, несомненно, вызовут значительный интерес в научном сообществе.

Так, весьма любопытно письмо, отправленное 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) Л.Д. Троцким советскому полпреду в Скандинавии В.В. Воровскому. Возмущённый нарком по иностранным делам сообщил ему о тайных контактах немецкой делегации, присланной в Петроград для подготовки технической стороны будущего договора, с депутатами ещё не открывшегося Учредительного собрания. Троцкий не сомневался, что если бы большевики отклонили предъявленные им из Берлина условия, то «без-

работные дипломаты Учредительного собрания немедленно же предложили бы свои услуги для продолжения этих переговоров» (с. 74). Это существенно расширяет сложившиеся в историографии представления о причинах разгона Учредительного собрания и поясняет, почему государства Антанты так спокойно отнеслись к этому событию¹.

Троцкий, судя по его письмам к Воровскому, «ни в коем случае» не собирался «занимать примирительную позицию» и принимать немецкие требования «исключительной наглости». Он намеревался использовать возникшую мирную передышку для воздействия на войска противника. «Усугубляем нашу агитацию, — информировал полпреда нарком. — Радек стал во главе нашей ежедневной немецкой газеты для фронта. Там мы будем беспощадно разоблачать подлую махинацию немецкой дипломатии и требовать от немецких солдат самостоятельного решения вопроса» (с. 75).

Привлекают внимание донесения от советского полпреда в Берлине А.А. Иоффе. В них содержались разнообразные сведения, анализировалась реакция германских властей на те или иные действия большевиков, выдвигались смелые предположения геополитического характера. Так, 18 июня 1918 г. Иоффе уведомил наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина о том, что Германия «готовится к многолетней войне с Англией» и поэтому ей «важен Кавказ как путь к Туркестану, а оттуда в Индию». В связи с этим рекомендовалось «завязать серьёзную интрижку с Англией и доказать англичанам, что им вовсе не выгодно ослаблять нас или сориться с нами, ибо в этом случае мы действительно можем с отчаяния броситься в объятия немцев и пропустить их через Туркестан» (с. 445). В начале июля полпред вновь советовал «использовать все выгоды нашего положения как по-

следней преграды германского пути в Индию» (с. 478). В августе в записке, адресованной В.И. Ульянову (Ленину), Л.Д. Троцкому, Я.М. Свердлову и Г.Е. Зиновьеву, он повторял, что не сомневается в том, что «военная партия» рейха «готовит поход на Индию через Россию» (с. 519). Правда, по мнению составителей сборника, в данном случае «А.А. Иоффе сильно преувеличивал» (с. 654). Однако сами они цитируют ранее высказывания высокопоставленных немецких военных о возможности удара по Индии (с. 640).

Сборник ценен ещё и тем, что отражает степень влияния отдельных членов советского правительства и, в частности, И.В. Сталина, чья роль на рубеже 1917–1918 гг., судя по данной публикации, была более значительной, чем принято обычно считать. Донесения из Бреста о ходе переговоров направлялись «наркомам Ленину и Сталину» (с. 180). Более того, принимая важные решения, Ленин консультировался со Сталиным. «Мне бы хотелось посоветоваться сначала со Сталиным, прежде чем ответить на Ваш вопрос», — говорил он 15(28) января 1918 г. по прямому проводу в Брест Троцкому (с. 114). Именно Сталин курировал украинские дела: председатель ЦИК Советской Украины В.П. Затонский посылал телеграммы «т. Сталину лично» (с. 93).

В предисловии к сборнику удачно охарактеризовано развитие советско-германских отношений с ноября 1917 г. по ноябрь 1918 г. (с. 3–11), включая и их украинский аспект, который очерчен кратко, но содержательно, с опорой на новейшую литературу. В самом сборнике детали возникновения независимого украинского государства раскрываются довольно подробно. Как пишут составители, задача, стоявшая перед большевиками в Бресте, «осложнилась тем, что в переговорах сначала неофициально, а затем с согласия делегации России участвовали делегаты

Центральной рады — верховного органа власти Украинской народной республики (УНР), объявившей о своей независимости и признанной советским правительством в декабре 1917 г.» (с. 7). Впрочем, слова о том, что Совнарком уже в декабре 1917 г. признал независимость Украины, требуют уточнения. Её статус на тот момент определял Третий универсал Центральной рады, принятый 7(20) ноября 1917 г. Однако в нём особо оговаривалось, что УНР не отделяется от «республики Российской», а будет частью этой «федерации равных и свободных народов». Именно так УНР и воспринимали в Петрограде. Поэтому её представителя пригласили в состав общероссийской мирной делегации, которой после объявленного 22 ноября (5 декабря) 1917 г. перерыва предстояло возобновить переговоры о перемирии с Германией и её союзниками². При этом в ноябре 1917 г. СНК поддерживал связь с Центральной радой, стремясь не допустить её сотрудничества с Донским правительством А.М. Каледина.

После разрыва с Радой большевики попытались лишить её власти, используя для этого созданный по их инициативе в Киеве 4(17) декабря I Всеукраинский съезд советов. В тот же день СНК направил ему манифест, в котором объявлял о признании УНР и её права «совершенно отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных или тому подобных взаимоотношениях». Но, естественно, это ещё не означало признания независимости, о которой тогда не заявляла и Центральная рада. Ожидалось, что манифест обеспечит партии Ленина поддержку Всеукраинского съезда советов, однако депутаты-большевики оказались в меньшинстве и были вынуждены его покинуть. Тогда вместе с частью украинских левых эсеров и меньшевиков они переехали в Харьков, где 11–12(24–25) декабря

провели альтернативный Всеукраинский съезд советов, который и принял решение о создании Украинской народной республики советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющейся частью Российской республики (с. 7).

Таким образом, в декабре 1917 г. существовали две Украинских народных республики — одну возглавляла Центральная рада, другую — ЦИК харьковского съезда советов. Наставившая на том, что только ЦИК правомочен представлять Украину в Бресте, большевики номинально передали под его власть значительную часть подконтрольных им территорий бывшей Российской империи. 29 декабря, накануне специального пленума Брестской конференции по признанию делегации украинского правительства, Сталин говорил по прямому проводу Л.М. Карахану, участвовавшему в переговорах: «Рада ещё не свергнута, но близка к этому. Её власть ограничивается пределами Киевской губернии». Между тем под управлением «Всеукраинского» ЦИК находились Черниговская, Харьковская и Екатеринославская губернии, весь Донецкий бассейн, две трети Полтавской и почти вся Херсонская губ., с Одессой и Николаевым. Ссылаясь на это, наркомнац делал вывод: «Рада данного состава не может [быть] названа правительством Украины. Во всяком случае, с гораздо большим правом может и должен быть привлечён в мирную делегацию представитель ЦИК» (с. 81). Соответственно 8(21) января 1918 г. советский полпред Иоффе обратился к главе германской дипломатии Р. фон Кюльману с просьбой признать полномочия делегатов Народного секретариата Украинской народной республики советов — В.М. Шахрая и Е.Г. Медведева, которые по их желанию были включены в состав российской мирной делегации (с. 672). Сама же Советская Украина, чьи представи-

тели присутствовали на открывшемся 10(23) января в Петрограде III съезде советов, была провозглашена частью Российской Федерации.

Однако Германия, пережившая голодную («брюквенную») зиму 1916/17 г. и жизненно нуждавшаяся в поставках продовольствия, была заинтересована в собственном контроле над Украиной, следовательно, и в её независимости от России. Поэтому в Берлине сделали ставку на Центральную раду, пригласив её представителей на переговоры в Брест. После консультаций с немцами 9(22) января появился Четвёртый универсал Генерального секретариата Центральной рады, провозгласивший «самостийную» Украинскую республику. Советская Россия не признала её субъектом международного права. Как телеграфировал Ленину и Сталину Карахан, уполномоченным центральным державам было заявлено: «Независимо даже от государственного правового положения Украины как составной части Российской Федерации — остаётся во всей своей силе тот факт, что Украина территориально не отмежёвана от России и, следовательно, никакие соглашения с Украиной не могут иметь силы без признания их российской делегацией» (с. 180).

Тем не менее 27 января (9 февраля) Германия заключила сепаратный мир с УНР. Троцкий сразу же дал понять Кюльману, что этот договор неправомерен, поскольку Украина является частью Российской Федерации (с. 675). Однако, поскольку убедить в этом немцев не удалось, а признание независимости Украины стало одним из условий соглашения, Троцкий 28 января (10 февраля) отказался от подписания аннексионистского договора, объявил состояние войны с Германией прекращённым, а русскую армию демобилизованной.

В новой ситуации у «Советской Украины» уже не оставалось перспек-

тив, так как территория, объявленная большевиками украинской, отходила под власть Центральной рады, находившейся под покровительством Германии. Поэтому отношение большевистского руководства к статусу Донбасса, Новороссии и Слобожанщины изменилось. 30 января (12 февраля) в Харькове на VII областном съезде советов рабочих депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов была учреждена Донецко-Криворожская республика, включавшая Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии (без Крыма). В Херсонской губ. 18(31) января создали Одесскую советскую республику. Оба государственных образования признали себя частью Российской Федерации, и на этом основании большевики пытались предотвратить оккупацию их территории германскими войсками. Так, 18 марта заместитель наркома по иностранным делам Чичерин послал в МИД Германии радиogramму с протестом против занятия Одессы, которая «не входит в пределы Украины» (с. 300).

В конце мая в Киеве начались советско-украинские переговоры. На них представители Москвы стремились удержать всё, что казалось возможным, а также определить общие принципы проведения границы между Украиной и Россией (с. 516–517). Заботились об этом и дипломаты в Берлине. Иоффе в записке, составленной 29 июля, напомнил, что Украина в Четвёртом универсале «сама установила свои границы без Крыма, и то же подтвердили немцы в ноте от 29 марта» (с. 501). В советских предложениях по Добавочному договору к Брестскому миру, датированных 29 июля, условием урегулирования русско-украинских отношений считались отказ Киева от притязаний на четыре северных уезда Черниговской губ., Курскую губ. и Крым, «признание российской территорией района железной дороги Мариуполь—Славянск

и всех территорий к востоку от неё», а также дороги Волчанск—Лисичанск (с. 505). Непреодолимым препятствием при согласовании границы между двумя странами стало признание Украиной Донской республики атамана П.Н. Краснова (с. 550) и независимого Крыма, тогда как СНК исходил из того, что «Крым, как и Донская область, составляют части Российской республики» (с. 558–559).

В археографическом предисловии убедительно объяснён принцип отбора и группировки документов (с. 12–17). Хотя, возможно, в нём следовало бы охарактеризовать и те фонды РГАСПИ и АВП РФ, из которых они были извлечены.

В виде приложения к сборнику составители поместили дневниковые записи М.Н. Покровского о переговорах в Брест-Литовске (с. 590–608). Однако они публиковались ранее, и необходимость их включения в книгу представляется спорной. Краткая библиография работ, изданных на русском языке, содержит практически все основные публикации по теме. К сожалению, осталась забыта лишь небольшая, но весьма информативная статья А.И. Рупасова и А.Н. Чистикова о планах германского командования захватить Петроград в июле–сентябре 1918 г.³ Украшением сборника являются воспроизведённые в нём редкие фотографии из фондов РГВА и РГАСПИ, с точным указанием мест их хранения.

Гораздо полезнее для читателей будут подробный «Именной комментарий» с биографиями упоминаемых в документах лиц и «Хроника основных событий» с 25 октября 1917 г. по 13 ноября 1918 г. Помимо прочего, она помогает восстановить последовательность документов, которая в основной части сборника иногда сбивается из-за их датировки только по новому стилю (с. 189). Кроме того,

некоторые документы датированы слишком широко. Например, телеграфные переговоры А.М. Коллонтай и П.Е. Дыбенко отнесены к периоду с февраля по ноябрь 1918 г. (с. 307–309). Между тем, судя по упоминанию в них утренней телеграммы в Берлин о согласии подписать мир, они происходили 18–20 февраля 1918 г. Документ № 195 («К вопросу о возобновлении торговых сношений между Россией и Германией») помещён почему-то среди текстов февраля–марта, хотя речь в нём идёт о событиях «конца мая и всего июня» (с. 309). Документ № 302 (записка Иоффе в НКВД с подробной характеристикой ситуации в Германии) неверно датирован «июнем или началом июля 1918 г.». При этом в нём упомянуто, что Кюльман «всё ещё в Бухаресте» (с. 466), а он ездил туда для заключения мира с Румынией, подписанного 7 мая. Тут же сказано о только что прошедшем праздновании 1 мая. А 9 мая Иоффе сообщал, что «о политическом положении писал в прошлом докладе» (с. 365). Очевидно, что документ № 302 и есть этот «прошлый доклад», отправленный между 1 и 9 мая 1918 г.

В целом из материалов сборника видно, что большевики даже в малой степени не являлись «агентами германского генштаба». Они проводили вполне независимую и часто враждебную Германии политику. В свою очередь, и кайзеровское правительство не пыталось напомнить им об услугах, оказанных в прошлом. По-видимому, они предоставлялись без всяких обязательств со стороны большевиков.

Документы сборника, несомненно, будут востребованы как исследователями внешней политики Советской России, так и учёными, изучающими её внутреннее развитие и историю большевистской партии.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Селезнев Ф.А.* Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017. С. 161–162; *Селезнев Ф.А.* Разгон Учредительного собрания: внешнеполитический аспект // Таврические чтения – 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2019. С. 178–188.

² *Михутина И.* Украинский Брестский мир. М., 2007. С. 61.

³ *Рупасов А.И., Чистиков А.Н.* «Шлюсштайн» // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 150–153.